

Рефлексии

Помню, как он плакал над стихами Евтушенко. Принес его книжку, сел на тахту, читает, восхищенно восклицает, смотрю — заплакал. Смущенно, как ребенок, смотрит на меня, в глазах слезы: «Разве, — говорит, — это не хорошо?» И читает что-то чрезвычайно огулхотворенное, но скверно написанное...

Лидия ЛЮБЧИКОВА (Театр), 1991, № 9)

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Венедикт Васильевич. Вы, подобно Карлсону и Мюнхгаузину, славитесь своей честностью и правдивостью. Так что, думаю, мне (и читателям) не следует опасаться мистификаций, гиперболизаций, абсурдов, оксюморнов и тавтологий? Только правда, и ничего, кроме правды. — Ну, конечно же, буду более или менее весело и бессовестно врать. Ложь, только ложь, и ничего кроме лжи. — Замечательно. Итак, для начала. Кто вы? — Сверхчеловек я и ничто Сверхчеловеческое мне не чуждо. Как Бонапарт, я не умею лгать. И языков не знаю, как Чапай... — Ну стихами-то про себя любой хорошо расскажет! Вы прозой попробуйте.

Писатель Венедикт Васильевич Ерофеев впервые опубликован в России в 88-м году, в журнале с характерным и оксюморным названием «Трезвость и культура». В 95-м году, спустя почти семь лет, Ерофеев наконец-то предстал российскому читателю собранным в данной книге. В твердом переплете и с суперобложкой. Подзаголовок — «почти все». Это очень точный подзаголовок. Так что «почти все» ответы на вопросы я взял именно оттуда.

Итак — воображаемое интервью о смысле и бессмысленности существования с «беззаветным тружеником В. Ер.», сотканное из мелких и неблестящих натяжек, полное гнусных аллюзий и оскорбительных аналогий, чапаевщины и фанфаронства, или тушинские посиделки с красным флагом и портретом гражданина прекрасной Франции Ивана Тургенева под рюмку цыкуты и баночку гуталина.

— Ну что же, поголовное, так поголовное. Раз мы преодолели высокоинтеллектуальную напряженность беседы, пора обратиться к миру прекрасного. Пьешь ведь небось, а Венечка? — Попиваю, да, но ведь без всякой эскалации.

— И часто? — Когда как. Другие — чаще...

Но я — в отличие от них — без всякого фарсу и забубенности. Я — только когда печален... — Рассказывай! А руки отчего дрожат?

—...как ты не понимаешь?! Рука грозит — и пусть ее грозит.

Причем же здесь воляра? Дрожь в руках

Бывает от бездомности души, От вдохновенности,

недоодеянья, гнева И утомленья сердца,

Роковых предчувствий. От гибельных страстей,

алканной встречи И от любви к отчизне, наконец.

Мезавасисид

же В. Медик он, правда, бывший, поскольку из мединститута его выгнали (за трезвость), так что теперь он занимается, в основном, метафизикой, самолечением и спасением человечества. — Эх, — сказал мне Сережа В., — Лесин, ты что же, не знаешь этих людей XIX века, дворян тем более — какие они нежные! Да их понос не то что от мочегонного, их понос даже и от слабительного пробрать может! Вот.

— Нет, я все-таки влюблен И в поступь медицины, и в т р и у м ф ы

Ее широкой поступи — плевок В глаза всем изумленным континентам.

В самодостаточность ее и наглость И в хвост ее, опять же, и в ...

— Ладно, ладно. Ты вот что лучше, ты расскажи за что тебя в свое время из МГУ выгнали?

— По подозрению в уникальности.

— А если точнее, какая была,

ПРОЩАЙ. ВЕРЕВКУ И МЫЛО Я НАЙДУ

Почти весь Венедикт Васильевич Ерофеев

— Я — человек вопиющий. — А еще. — Вольный каменщик на бого-строительстве. — А еще.

Бесполезное ископаемое, вот кто я.

— С кем из животного или, скажем, растительного мира вы бы себя сравнили?

— Ну вот, например, одуванчик. Он все колыхнется и облетает от ветра, и грустно на него глядеть... Вот и я: разве я не облетаю? Разве не противно глядеть, как я целыми дьями все облетаю и облетаю?

— Венедикт Васильевич, как вы стали писателем? Когда начали писать?

— В 18—19-летнем возрасте, когда при мне говорили неинтересное, я говорил: «О, какой вздор! Стоит ли говорить!» И мне говорили: «Ну, а если так, что же все-таки не вздор?» И я наедине с собой говорил: «О! Не знаю, но есть!» Вот с этого все начинается.

— Какую мечту вы лелеяли с детства? Что бы вы ответили на вопрос классика — кем быть?

— Я вначале мечтал быть стеклодувом, потом — фальшивомонетчиком, вампиром — а потом опять стеклодувом! И прекрасной дамой!

— Хороший ответ... Но почему вы расхотели быть фальшивомонетчиком — ведь это весьма денежная профессия?

— Не деньги надо чеканить, надо чеканить афоризмы.

— Самые лучшие афоризмы чеканил Оскар Уайльд, между прочим — гомосексуалист. Тоже небось хотел быть прекрасной дамой...

— Надо вам заметить, что гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм. Ну, еще арабы на уме, Израиль, Голанские высоты, Моше Даян. Ну, а если прогнать Моше Даяна с Голанских высот, а арабов с иудеями примирить? — что тогда останется в головах людей? Один только чистый гомосексуализм.

— Просто кошмар, что вы такое говорите, Венедикт Васильевич! Арабы-то с иудеями как раз сейчас примиряются. Представляете, чем это грозит?

— Вы мне напоминаете одного старичка в Петушках. Он — тоже, он пил на чужбинку, он пил только краденое: утащит, например, в аптеке флакон тройного одеколна, отойдет в туалет у вокзала и там тихонько выпьет. Он называл это «пить на брудершфат», он был серьезно убежден, что это и есть «пить на брудершфат», он так и умер в своем заблуждении...

— Не знаю, чем я напомнил вам этого славного старичка, но коли уж речь зашла о брудершфате, то может быть, и нам, ну как бы это получше выразиться...

— А ты говори попросту, без всяких там аннексий и контрибуций. И без репарации.

— То есть?

— Надо преодолеть высокоинтеллектуальную напряженность беседы, соскочивнув в сферу легкой и обидной болтовни.

— Это правильно. Но — как? — Ты выпей. Это тебя сократит. (Я последовал совету Ерофеева — выпил, потом еще выпил, потом... Ну, словом, перешел с ним на «ты».)

— А скажите... ну, то есть скажи, как тебя назвать?

— Вот клички: в 1955—1957 гт. меня называют попросту «Венечка» (Москва). В 1957—1958 гт., по мере посещения и повзросления — «Венедикт»; в 1959 г. — «Бэн», «граф», «сам»; в 1961—1962 гт. — опять «Венедикт», и с 1963 г. — снова поголовное «Венечка».

оставьте мою душу в покое

— Ну вот — как о водке зашла речь, так снова стихами заговорил! А сам ведь и одеколон наверхника пьешь? И даже знаешь, чем один из них от другого отличен?

— «Ландыш», например, будоражит ум, тревожит совесть, укрепляет правосознание. А «Белая сирень» — напротив того, успокаивает совесть и примиряет человека с язвами жизни... У меня было так: я выпил целый флакон «Серебристого ландыша», сижу и плачу. Почему я плачу? — потому что маму вспомнил, то есть вспомнил и не могу забыть свою маму. «Мама», — говорю. И плачу. А потом опять: «Мама», — говорю, и снова плачу. Другой бы, кто поглупее, так бы сидел и плакал. А я? Взял флакон «Сирени» — и выпил. И что же вы думаете? Слезы обсохли, дурацкий смех ододел, а маму — так даже и забыл, как звать по имени-отчеству.

— Разве это хорошо, Веня? Разве можно так жить? Разве это не дурно?

— Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грез, и усилий — он очень дурной, этот человек. Утром плохо, вечером хорошо — верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот — если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение — это уж точно человек дрянный, деляга и посредственность. Гадок мне этот человек... Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и закату тоже рады, — так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну уж, а если кому одинаково скверно и утром, и вечером — тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченый подонки и мудозвон.

— Как ты все это хорошо рассказывал, как тонко, а вот твой собственный моральный облик каков?

— Поаятикой партии и правительства не интересуюсь. Газет не читаю, скрыт, замкнут, способен на любое преступление.

— А все от пьянства, Венечка, все от алкоголизма. Разве обязательно — пить?

— Все ценные люди России, все и у ж н ы е ей люди — все пили, как свиньи. А лишние, бестолковые — нет, не пили. Евгений Онегин в гостях у Ларинных и выпил-то всего-навсего брусничной воды, и то его понос пробрал.

— Понос, говоришь, пробрал. А Александр Леонтович, промежду прочим, пьет про тебя: «... вот у него ошибка, правда, в другом: что Евгения Онегина от брусничной воды понос пробрал. А мне медики говорили, что брусничная вода — мочегонное».

Но я, Венечка, тоже не лыком шит. Я тоже в лаптем водку хлебаю! Я тоже пошел к медику, точнее, к одному медику — Сере-

скажем так, официальная формулировка?

— «Самосозерцание на грани нарциссизма».

— Ну, ты прямо принц какой-то. Ты что — принц?

— Принц должен быть черным. Черный принц! Он должен быть датским, маленьким и нищим! Остальные принцы не в счет.

— Согласен. Так за что все-таки выгнали?

— Четверых убил, шестерых изнасиловал, короче, вел себя непринужденно.

— Но за такие непринужденности, Венечка, тебя ведь могли и посадить.

— Меня, прежде чем посадить, надо выкопать.

— Ты, значит, ничего не боишься — ни суда, ни следствия?

— Как надоело это шлепанье шампанских пробок, это щебетанье птах, эти белые фиалки и алые гвоздики — как хочется в каземат.

— Ты рассуждаешь как Петрашевский и Вера Засулич. Почему же ты не протестовал против чего-нибудь? Не митинговал? Не выходил на площадь с плакатами etc.?

— Интересно, как глядели бы на тебя, если б ты сейчас вот вышел в белом жилете с отворотами а la Робеспьер. Или, например, орал бы в переулке: «Долой Гизо! Да здравствует Реформа!»

— То есть ты принципиально против политики. Принципиально хочешь так и остаться внизу.

А как же успех, как же подъем по общественной лестнице?

— Я остаюсь внизу, и снизу плаю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы — по плевку. Чтобы по ней подняться, надо быть жидовской мордой без страха и упрека, лидором, выкованным из чистой стали с головы до пят. А я — не такой.

— Веня, зачем ты такие слова говоришь? А если я — еврей?

— Я так и думал. Евреи иногда очень даже любят выпить... в особенности за спиной арабских народов.

— Ну вот. Прямо даже не знаю, что исказить. Ты — шовинист? Ты против интернациональной дружбы народов?

— Всем отомстим. Полякам шею свернем за нашего Бульбу. Французам — понятию за что. Норвежцам — чтоб не ходили по нашим полюсам. Датчанам — за то, что принца не уберегли. Жидам — за их вечность. Голландцам — за их летучесть.

— Какой же ты желчный, Венечка, какой жестокий. Может быть, ты и вправду кого-нибудь того — на тот свет отправил!

— Положа руку на сердце, я уже отправил одного человека туда — мне было тогда лет... не помню, сколько лет, очень мало, но это все случилось за три дня до новолуния... так мне был тогда больше всего неприязнен мой племянный дядюшка, поклонник Лазаря Кагановича, сальных анекдотов и куриного бульона. А мне мой белобрый приятель Эдик притащил яду, он сказал, что яд безотказен и замедленного воздействия. Я влил все это дядюшке в бульон — и... ровно через 26 лет он издох в страшных мучениях...

— Оставим эти ужасные подробности. Как говорил Михаил Лермонтов: твоё грядущее, как прошлое темно. Обратимся лучше к литературе. Ты сам — Веня Ерофеев, героя твоей поэмы тоже зовут Веня Ерофеев. У тебя, что — не хватает фантазии? Ты не можешь что ли придумать какую-нибудь сказку про дальние страны с экзотическими героями? Типа «Маугли», например.

— Рассказ о Маугли автобиографичен. Киплинг сам был вскормлен волками британского империализма.

— Ого! Вот ты и до доброй старой Англии добрался...

— Ну, с Британией нечего и соскочать. Уже Геродот не верил в ее существование. А почему мы должны быть лучше или хуже Геродота?

— Строг ты к зарубежью. Но хоть какая-нибудь страна в мире устраивает тебя? В Испании, например, есть что-нибудь, что тебе по душе?

— Три лучших гишпанских города: Мадера, Малага и Херес.

— Подожди, подожди... Ну, Малага — ладно. Херес-де-ла-Фронтера — тоже, в общем-то, ладно. Но Мадера — это, во-первых, не Мадера, а Мадейра, вторых, это не город, а остров, а в-третьих, он же португальский! Как, кстати, и Порту (Porto).

— ... (после паузы)... Царь Мидас, к чему бы не прикасался, все обращал в золото, а в твоих руках все делается дерьмом.

— Не обижайся. Это я со словом только такой умный, а так — все бы перепутал: в Афинах бы был Периклес, в Риме — Брут. То есть наоборот, то есть нет, то есть тифу! В общем, ладно. Вернемся к политике. Как ты относишься к диссидентам?

— Диссидентов терпеть не могу. Они все до единого — антимузыкальны. А стало быть, ни в чем не правы. Цветочки не любят.

— А ты, значит, любишь цветочки? Что пользы в них? Кто и зачем будет их в наши дни собирать?

— Девушки должны собирать

705 - 1985 - 11 ноября - с. 7

цветы, ибо это вырабатывает в них навыки низко нагибаться.

— Да зачем тебе — цветы, девушки? Ты ведь один живешь, верно?

— Живу один. Так, иногда заходят в гости разные нехристи и аспиды.

— Кстати, как ты вообще относишься к проблеме одиночества?

— Человек не должен быть одинок — таково мое мнение. Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят.

— Ты думаешь — такова жизнь? А что такое, в сущности, жизнь?

— Стремительное превращение соплика в старого хрена.

— Это точно. Стремительное. Значит — «человек смертен»?

— «Человек смертен» — таково мое мнение. Но уж если мы родились — ничего не поделаешь, надо немножко пожить... «Жизнь прекрасна» — таково мое мнение.

— Да ты оптимист, Веня. Ничто тебя не берет?

— Я бросался подо все поезда, но все поезда останавливались, не задевая чресел. У себя дома над головой я вбил крюк виселицы, две недели с веточкой Флерд'оранжа в петлице я слонялся по городу в поисках веревки, но так и не нашел. Я делал даже так: я шел в места больших маневров, останавливался у главной мишени, в меня лупили все орудия всех стран Варшавского пакта, и все снаряды пролетали мимо.

— Молодец. А что-нибудь настоящему светлое, действительно хорошее в твоей жизни было? Какое у тебя САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ?

— Мой малыш, с букетом полевых цветов, верхом на козе. Возраст 153 дня.

(Здесь надо бы — паузу. А впрочем, смахнув слезу рукавом — к финалу.)

— Что ж, Веня, пора, видимо, и заканчивать. Еще пару вопросов — и перестану тебя мучить. Твой главный порок?

— Любовь к несбыточным мечтаниям, например, побыть бабой недели полторы. Или года два еврею.

— Твое любимое междометие?

— Мое любимое междометие «увь», но я замечаю, что с последнего времени оно становится нецензурным.

— Твое жизненное кредо?

— Не замечать за собой ничего дурного.

— Спасибо, Венечка. Тебе пора. Прощай.

— Прощай. Веревку и мыло я найду.

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Моя проза — в розлив с 70-го г. и с 73-го г. — навывнос», — говорил о себе Венедикт Ерофеев.

«Бездомный Венечка наконец обрел свой дом — книгу», — сказала на ее презентации один из героев, а именно Черноусый (в миру — Игорь Авдиев).

Ответы Венедикта Ерофеева взяты из книги:

Ерофеев В.В. Оставьте мою душу в покое: Почти все. — М.: Издательство АО «Х.Г.С.», 1995, 25 тыс. экз., а также из «Литературной газеты» от 30.05.1990 г., «Независимой газеты» от 3.01.1991 г. и журнала «Театр», № 9 за 1991 г.

P.S. Ну что можно еще тут сказать? А то, что книга, конечно, хороша. Полезная. Да только не всем по карману. Ибо стоит столько же, сколько и три бутылки родной «кристалловской» водки.

Впрочем, если купить, например, шесть поллитровок и три из них надежно спрятать, то на следующий день пойдя к а к б ы за водкой можно купить книжку, ну а водку — к а к б ы с л у ч а й н о найти.